С. К. Бердяевъ.
РАЗБОИ НА СѢВЕРНОМЪ КАВКАЗѢ.
— Цѣна 6 фр. —
«ВОЗРОЖДЕНІЕ»

Русскіе за рубежомъ

НОВАЯ КНИГА
Павелъ Сѣверный.
ЖЕНЩИНЫ У ПОЛЯРНЫХЪ ЗВѢЗДЪ.
Романъ. — Цѣна 12 франч.
«ВОЗРОЖДЕНІЕ»

Русская акція въ Болгаріи

ВЪ КРИВОМЪ ЗЕРКАЛѢ «ПОСЛѢДНИХЪ НОВОСТЕЙ»

10 сент. въ «Послѣднихъ Новостяхъ» появился фельетонъ софійскаго постояннаго сотрудника этой газеты Ю. К. Раппопорта, въ которомъ сообщались слухи о готовящемся сокращеніи русской школьной сѣти.

«Проекты эти — писалъ г. Раппопортъ, — вовсе не вызваны сокращеніемъ ассигнованій со стороны болгарскаго правительства: иниціаторы расправы съ русской школой русскіе же дѣятели, стремящіеся урвать школьныя деньги на иныя, болѣе имъ близкія цѣли».

Бросивъ упрекъ русскимъ эмигрантскимъ учрежденіямъ въ томъ, что они работаютъ, якобы, въ глубокой тайнѣ, что эти учрежденія, якобы, «состоятъ изъ однихъ и тѣхъ же 5-6 человѣкъ въ разныхъ комбинаціяхъ», авторъ статьи переходитъ къ яростному нападенію на представителя Рос. Общества Красн. Креста (стар. орг.), сначала выражая свое недоумѣніе, почему онъ получаетъ 2/3 всѣхъ правительственныхъ ассигнованій, въ томъ числѣ и на хозяйственныя нужды русскаго учебнаго дѣла, затѣмъ обвиняя его въ томъ, что «вывѣска общественнаго учрежденія является лишь прикрытіемъ произвольнаго усмотрѣнія и безотчетности»; дальше шелъ туманный намекъ «о загадочной судьбѣ 300.000 леновъ — запаснаго фонда русской гимназіи, переведеннаго въ распоряженіе главноуполномоченнаго».

Въ концѣ своей статьи г. Раппопортъ еще рѣзче обрушивается на главноуполномоченнаго Рос. Об-ва Краснаго Креста (ст. орг.) Л. Е. Фельдмана, обвиняя его въ незаконныхъ дѣйствіяхъ по отношенію къ подчиненному ему госпиталю Краснаго Креста.

Эта статья произвела извѣстное впечатлѣніе не только въ русской эмиграціи, но и въ болгарскихъ кругахъ. Надо отмѣтить, что эта же тема послужила предметомъ большой агитаціи, предпринятой за нѣсколько недѣль до появленія статьи кучкой наиболѣе горячихъ представителей мѣстной русской колоніи; въ нее вошли нѣкоторые педагоги и родители учащихся въ русской гимназіи дѣтей; нашелся горячій радѣтель русскихъ интересовъ, природный болгаринъ г. Недѣльчевъ, выпустившій по этому поводу хлесткую брошюру съ многозначительнымъ заглавіемъ: «На судъ общества». Доставъ рядъ служебныхъ бумагъ, относящихся какъ въ русскому учебному дѣлу, такъ и къ представительству Русскаго Краснаго Креста, онъ выступилъ съ рѣзкими обвиненіями противъ Л. Е. Фельдмана.

Въ дополненіе, послѣдовали статьи, появившіяся въ ном. 5697 и 5728 «Посл. Новостей».

Болгарское правительство, продолжающее относиться къ нуждамъ русской эмиграціи съ полнымъ вниманіемъ, въ виду такого шума и вслѣдствіе ходатайства главноуполномоченнаго Р. О. Краснаго Креста г. Фельдмана, назначило особую анкетную комиссію изъ старшихъ чиновниковъ министерствъ иностранныхъ дѣлъ и внутреннихъ дѣлъ (3 лица), а отъ русскихъ — выдающагося бухгалтера г. Бельмера и завѣдующаго финансово-контрольнымъ отдѣленіемъ въ комитетѣ по дѣламъ русскихъ бѣженцевъ г. Небянскаго, которой и поручило разобраться въ поднятой шумихѣ.

Анкетная комиссія въ 8 засѣданіяхъ съ чрезвычайной добросовѣстностью и исчерпывающей полнотой разобрала матеріалы, предъявленные всѣми заинтересованными лицами, опросила цѣлый рядъ лицъ и представила свои протоколы съ заключеніемъ г. предсѣдателю совѣта министровъ и министру иностранныхъ дѣлъ и исповѣданій.

Въ настоящее время выдержки изъ этихъ протоколовъ опубликованы въ болгарскихъ газетахъ («Днесь», «Утро») и будутъ опубликованы въ русскихъ мѣстныхъ газетахъ.

Анкетная комиссія считаетъ, что авторы статей не потрудились исчерпывающе провѣрить изложенные ими факты, нѣкоторые изъ этихъ фактовъ переданы ими не вѣрно или освѣщены односторонне, такъ что непосвященный читатель могъ составить совершенно невѣрное представленіе о Русской помощной акціи, ея цѣляхъ, руководствѣ и примѣненіи.

Что же касается содержащихся въ этихъ статьяхъ конкретныхъ обвиненіяхъ противъ представителя Русскаго Краснаго Креста г. Фельдмана, то комиссія, послѣ основательной провѣрки, констатировала, что эти обвиненія **совершенно необоснованы.**

Анкетная комиссія констатировала, что дѣятельность г. Фельдмана находится въ согласіи съ надлежаще утвержденными уставами и правилами, что суммы, о которыхъ идетъ рѣчь въ статьяхъ гг. Раппопорта и Недѣльчева, своевременно и правильно занесены въ отчетныя книги. О всей своей дѣятельности г. Фельдманъ періодически представлялъ отчеты какъ въ свое Главное Управленіе въ Парижѣ, такъ и въ министерство внутреннихъ дѣлъ и народнаго здравія Болгаріи, а равно и въ Болгарскій Красный Крестъ.

Шагъ за шагомъ разбивая выставленныя авторами статей и брошюръ неправильно освященныя обвиненія, анкетная комиссія пришла къ заключенію, что демагогическій и агитаціонный характеръ ихъ имѣетъ задачей компрометировать лицъ, работающихъ въ комиссіи по Русской помощной акціи, чтобы ихъ запугать и такимъ способомъ принудить, вопреки ихъ убѣжденію, отказаться отъ уменьшенія кредитовъ на русское учебное дѣло, на необходимость чего указалъ самъ предсѣдатель совѣта министровъ, желая увеличить помощь престарѣлымъ и больнымъ русскимъ бѣженцамъ и инвалидамъ, число коихъ угрожающе растетъ.

Анкетная комиссія отмѣчаетъ, что г. Раппопортъ не далъ комиссіи никакихъ объясненій относительно изложенныхъ имъ въ газетѣ «Послѣднія Новости» тенденціозныхъ и невѣрныхъ свѣдѣній о правительственной акціи въ пользу русскихъ бѣженцевъ въ Болгаріи, а постарался запутать вопросъ, останавливаясь на различныхъ подробностяхъ, лишенныхъ въ данномъ случаѣ какого либо значенія. Невѣрно его утвержденіе, что продажа купленныхъ для больницы участковъ земли была совершена г. фонъ Фельдманомъ въ глубокой тайнѣ и безъ вѣдома администраціи больницы; **въ дѣйствительности въ этой продажѣ принималъ участіе** старшій врачъ больницы и **самъ Раппопортъ:** отмѣчая въ своей статьѣ съ большимъ возмущеніемъ фактъ этой продажи, онъ, однако, непосредственно участвовалъ въ ней и, въ качествѣ посредника, по порученію д-ра Берзина, искалъ покупателя на упомянутые участки, но... куртажа за это не получилъ, такъ какъ сдѣлка тогда не состоялась.

Софія. Руссъ.

Календарь

НАЦ.-ТРУД. СОЮЗА НОВАГО ПОКОЛѢНІЯ

Въ Россіи до революціи, когда жизнь била полнымъ ключемъ и существовали многообразныя отрасли дѣятельности, выпускались предпріимчивыми издателями календари-памятки по отдѣльнымъ профессіямъ. Въ обращеніи имѣлись календари: врача, юриста, архитектора и др., — отлично изданные, въ кожаныхъ переплетахъ, со свѣдѣніями, необходимыми въ повседневномъ обиходѣ различнымъ спеціалистамъ, иногда принадлежавшимъ къ весьма замкнутой корпораціи, численно не особенно людной.

Въ эмиграціи, естественно, такими календарями для «спеціалистовъ» баловаться не пришлось, хотя нельзя не отмѣтить, что на 1929 годъ В. В. Орѣховымъ и Евгеніемъ Тарусскимъ былъ удачно изданъ русскій военный календарь, изданіе, служащее, вѣроятно, для нѣкоторыхъ справокъ и по настоящее время (напр., національныя военныя событія, въ томъ числѣ фактъ гражданской войны).

На 1937 годъ выпустилъ свой календарь національно-трудовой союзъ новаго поколѣнія. Помимо обычныхъ календарныхъ свѣдѣній изящно изданная книжечка заключаетъ въ себѣ то, что долженъ помнить всякій русскій націоналистъ за рубежомъ. Есть свѣдѣнія элементарныя, не всегда, однако, имѣющіяся у эмигранта подъ рукой — напримѣръ, этнографическія цифры русскаго народа; потери территоріи послѣ революціи; данныя о разбазариваніи Россіи большевиками, о красномъ террорѣ. Приведенъ списокъ концентраціонныхъ лагерей въ сов. Россіи. Книжечка, такимъ образомъ, можетъ служить постояннымъ справочникомъ для вліянія кому нужно элементарнѣйшихъ свѣдѣній, характеризующихъ общую физіономію итоговъ хозяйничанія совѣтской власти, и для опроверженія распространяемой ею лжи.

Въ календарѣ изложены также: основы политическаго міровоззрѣнія НТСНП, программа, задачи, схема работы союза и проч.

Національный союзъ новаго поколѣнія (въ этомъ его наименованіи) ведетъ свое начало съ конца 1931 года. Въ союзѣ упраздненъ выборное начало, замѣненное принципомъ полноты распорядительной власти предсѣдателя союза, возглавляемаго нынѣ Викторомъ Михайловичемъ Байдалаковымъ.

Ч.

Для существованія газеты подписка важнѣе, чѣмъ розничная продажа.
ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ на «ВОЗРОЖДЕНІЕ»

Ворожея

Дорогой сотрудникъ. Пишетъ вамъ гадалка, мадамъ П. Вы печатаете про бѣдныхъ и несчастныхъ. А кто теперь счастливый? Дорогой сотрудникъ, прошу васъ — приходите ко мнѣ, и напишите про меня. Вы не думайте, что обращаюсь изъ корысти, я деньгами обезпечена — но я многимъ людямъ могу сдѣлать добро при посредствѣ своей силы. Съ уваженіемъ гадалка мадамъ П.».

Почеркъ старательный, школьный. Наивность, даже и для захолустныхъ эмигрантскихъ угловъ, рѣдкая. «Писать» не обязательно, но почему же не пойти?

Закопченая гостиница въ дебряхъ 15-го аррондисмана, уединенная квартирка въ первомъ этажѣ среди службъ, — рядовые жильцы помѣщаются выше. И что за обстановка! Лѣтъ двадцать не видалъ такого. Широкая кровать и гора подушекъ подъ кружевной накидкой ручного вязанья, въ углу большая божница, темныя иконы, и уголъ и потолокъ въ мирномъ густо-вишневомъ свѣтѣ отъ лампадки. По стѣнамъ портреты, бумажные вѣера. Чистота такая бывала только въ уѣздномъ мелко-купеческомъ домѣ, ни пылинки, и все блеститъ!

— Здравствуйте. А я ужъ думала и не придете, побрезгуете, можетъ, чѣмъ въ письмѣ не угодила.

Полна, властна въ голосѣ и движеніяхъ, рѣчь южная пріятная. Чѣмъ то похожа на сваху — гостепримна, кланяется, лицо привѣтливое и ужъ такое русское, — черезъ сто лѣтъ пронесетъ этотъ медленный, достойный поклонъ, неторопливость, вотъ эту руку, протягиваемую плоско и шаль, придерживаемую на груди.

Ни совъ, ни скелетовъ, только наверху, на шкафу — стеклянный, золоченый изнутри, зеркальный шаръ.

— Дѣло мое не темное, а свѣтлое, не колдовство, а ясновидѣніе. Конечно, и это грѣхъ, нельзя человѣку въ будущее заглядывать. Все въ рукахъ Божіихъ. А все таки, подумать, если человѣкъ хоть пальцемъ самъ пошевелить можетъ, — значитъ и его самого предупредить можно объ опасности, кто знаетъ, — какъ ребенка. А если за это отвѣтъ бываетъ, то я вонъ прежде, чѣмъ лечь, часа два на колѣнкахъ передъ иконами стою, молюсь.

— Вы и въ Россіи гаданьемъ занимались?

— Да нѣтъ, куда тамъ, зачѣмъ. Мы богатые были, домовладѣльцы. Нашу семью всѣ уважали. А такъ многіе знали, молва обо мнѣ далеко шла. Приходили ко мнѣ, — передъ свадьбой тамъ, или кто куда ѣдетъ, или покупка большая, или узнать кто про кого близкаго хочетъ. Денегъ то я, конечно, не брала. Я и сейчасъ, если бѣдный или несчастный какой нибудь, я за деньгами не слѣжу.

— Разскажите мнѣ, какіе у васъ интересные случаи бывали въ практикѣ.

— Ну что же — вотъ вамъ для начала письма, главный мой случай. Я на Балканахъ жила, и предсказала большое землетрясеніе. Вотъ тутъ въ письмахъ все изложено. Вотъ и самъ владыка-епископъ прислалъ, видите. За десять дней предсказала и всѣхъ увѣдомила, думаю, — конечно посмѣются, ну, а можетъ кто и обратитъ вниманіе. Такъ и случилось, — большое было землетрясеніе, много тогда народу погибло. Это дѣло у меня — какъ награда, медаль какая нибудь.

Дѣйствительно — пачка писемъ и негодующихъ и благодарныхъ. Тутъ же нѣсколько газетныхъ вырѣзокъ съ описаніемъ «невѣроятнаго случая».

— Вотъ въ прошломъ году что было. Приходитъ ко мнѣ человѣкъ, — немолодой, полный, хорошо одѣтый, лицо смутное, строгое. Говоритъ, что магазинеромъ служитъ. Ну, я прикинула на шаръ, вижу, — неправду говоритъ. Шаръ то у меня безъ колдовства, а такъ нуженъ, для вниманія, видѣнія во мнѣ самой происходятъ, въ головѣ. И вотъ вижу, — крупный человѣкъ, богатый, денежный, коммерсантъ, — въ родѣ банка мнѣ что то чудится. Дальше, — что ни спрошу, все не такъ говоритъ, и имя свое соврала. Меня досада беретъ, зачѣмъ же меня испытывать, а онъ тутъ и смѣяться началъ, — что все, говоритъ, глупости для дураковъ, а просто мнѣ нечего было дѣлать, я ваше объявленіе въ газетахъ прочиталъ, да и зашелъ. Вотъ вамъ деньги и перестаньте впредь людей обманывать. И вотъ тутъ я, видите ли, еле сдержалась, — ужъ совсѣмъ крикнуть хотѣла: давайте-ка встрѣтимся черезъ мѣсяцъ — надъ головой его вижу темное облако, совсѣмъ дурной знакъ. Но стало мнѣ жалко, насмѣшки я стерпѣла и просила, по видѣнію моему, опасаться поѣздокъ, а если что случится — написать. И такъ и вышло. Поѣхалъ онъ въ скоромъ времени на автомобилѣ и сильно разбился. Черезъ два мѣсяца пришло отъ него сухое письмо съ просьбой извинить, а писалъ онъ изъ госпиталя... Бываютъ трудности, бываетъ такое, что видишь человѣку гибель — а какъ ему сказать?

— Но бываютъ вѣдь и счастливые случаи?

— Бываютъ, конечно, бываютъ. Но иной разъ счастье перемѣшано съ несчастьемъ. Было у меня и такое дѣло: приходитъ женщина, барышня, — молоденькая, худая, измученная. Нужда, одна на всемъ свѣтѣ, тоска, дошла до послѣдней точки. Ну, успокаиваю ее, утѣшаю. Смотрю, что ей приходится, и дѣлается самой мнѣ нехорошо, прямо не знаю, что дѣлать. Бѣдняжка, горько ей, — а какъ сказать: вижу, задумала она съ собой покончить, по смерти нѣтъ и, наоборотъ, черезъ это испытаніе лежитъ ей хорошая дорога. Мнѣ открывается отдѣльно, кусками, вотъ какъ на картинкахъ, и ужъ потомъ сама догадываюсь, связываю. Вижу, — черезъ черную полосу лежитъ ей счастье. Такъ, сжавши сердце, ее и отпустила. Еще два раза она приходила ко мнѣ, совсѣмъ я съ ней измучилась. Потомъ пропала, и забывать ужъ я о ней стала. И вотъ прошло года два, — пріѣзжаетъ она ко мнѣ, — на своемъ автомобилѣ, разряженная, смѣется, счастливая, совсѣмъ не узнать, подарки мнѣ привезла. Оказывается, вѣрно я ее увидѣла.

А ну, давайте-ка я вамъ погадаю.

— Мнѣ? Нѣтъ ужъ увольте, Богъ съ нимъ, съ гаданьемъ.

— Не вѣрите?

— Не то, что не вѣрю — всего не знаю, потому и отношусь сдержанно, — а откровенно говоря, — побаиваюсь. Впрочемъ, такъ, для интереса, скажите мнѣ о прошломъ, а не о будущемъ.

Стеклянный шаръ на столѣ, свѣтъ притушенъ, въ комнатѣ полумракъ, тепло, какъ въ старомъ русскомъ домѣ, будто не батарейка центральнаго отопленія рядомъ, а горячая лежанка.

— Имячко ваше скажите.

— Романъ.

— Романъ, Романъ... Что же нашему господину Роману лежитъ, какіе пути-дороги передъ господиномъ Романомъ стелятся, посмотримъ, что на сердцѣ у господина Романа...

Голосъ мѣрный, ровный, пѣвучій, рѣчь старинно-складная, — что то въ ней усыпляющее, гипнотизирующее.

— Женщину вижу стройную, цѣлуетесь. Нѣтъ, не жена, а родственница, сестра, пожалуй. Пески сыпучіе, а солнце жжетъ, и страна не наша, не православная. Зимою дѣло, а тамъ жарко, что лѣтомъ цвѣты цвѣтутъ и небо синее. Вотъ по песку идетъ, море передъ ней лежитъ синее, глубокое, въ море смотритъ съ тоскою женщина.

— Ничего не понимаю. У меня сестра въ Африкѣ, но никому на свѣтѣ я не разсказываю о своихъ родныхъ.

— Вы можете назвать имя?

— Имя, имя... Какъ же имя молодой той женщины? Имя, имя... А имя то на буквы Е начинается. Елена — нѣтъ, не Елена, и не Елизавета будетъ то имя, а будетъ то имя Екатерина, Катеринушка ей имя.

Непостижимо!

— Идетъ по дорогѣ, и деревья надъ ней невиданныя, и пески за деревьями, а читаетъ женщина письмо. Письмо же то отъ брата, да нѣтъ, не отъ старшаго, — не отъ васъ. Изъ далекаго края письмо, — снѣга, снѣга, раскидала судьба сестру и брата на тысячи верстъ, — суровы суровые, солнце бѣлое, мутное, идетъ мужчина въ крестьянскомъ тулупѣ, очки на солнцѣ поблескиваютъ.

Нелѣпо, невѣроятно, дико. Мой братъ — въ Россіи, въ Сибири, о томъ, что онъ близорукъ, — знаю я одинъ!

— Знаете что — довольно! Не нужно дальше.

— О судьбѣ могу сказать вашей, да сами мнѣ заказываете. Одно повѣдаю — судьба ваша хорошая... А гаданія не бойтесь, нѣтъ тутъ грѣха. Сколько родъ человѣческій стоитъ, всегда были предвѣстія, у всѣхъ царей предсказатели были, и самому Соломону Премудрому данъ былъ вѣщій даръ.

— Ну, на прощанье, скажите мнѣ что нибудь о Россіи.

— Ничего вамъ не скажу. Одно повѣдать могу, что знаю, — новый годъ будетъ самый для всего міра страшный, а для насъ рѣшительный. Въ этомъ не сомнѣвайтесь.

Р. Днѣпровъ.

АЛЕКСАНДРЪ АМФИТЕАТРОВЪ

Фанатикъ новаго стиля

На дняхъ въ Миланѣ, въ русскомъ эмигрантск. кругѣ говорили о «бунинскомъ инцидентѣ» въ нѣмецкомъ пограничномъ городѣ Линдау. Возмущались — и недоумѣвали: какъ и почему могло произойти такое безобразіе? Среди присутствовавшихъ нашлось трое, только что побывавшихъ въ Германіи. Люди незначительные, далеко не того калибра, какъ всемірно славный писатель и нобелевскій лауреатъ, они, однако, никакимъ непріятнымъ полицейскимъ придиркамъ отъ нѣмцевъ не подвергались, а, напротивъ, всюду ихъ принимали вѣжливо, со вниманіемъ, даже радушно. Въ особенности, какъ скоро узнавали въ нихъ «правыхъ», «бѣлыхъ», «противобольшевиковъ», — слѣдовательно, русскихъ, Бунину единомышленныхъ. Кто же въ русской литературѣ болѣе «правъ», «бѣлъ» и «противобольшевикъ», чѣмъ авторъ «Окаянныхъ дней»?.. Непостижимая исторія! Нѣтъ, тутъ не безъ того, чтобы чортъ замѣшался! Это онъ, рогатый козлоногъ, подстроилъ каверзу: напустилъ нѣмецкимъ пограничникамъ адскаго тумана въ глаза, чтобы они приняли русскаго академика за какого то пролаза-большевика или «не арійца» и учинили ему, бѣдному, ни за что, ни про что, нелѣпое и грубое «въ чужомъ пиру похмелье».

Съ бунинскаго инцидента разговоръ перешелъ на Бунина вообще. Жалѣли, что въ послѣдніе годы онъ мало печатаетъ. Съ восхищеніемъ и любовью перебирали въ памяти ранѣе напечатанное — и разсказы, и отдѣльные эпизоды, картины, образы, типы изъ разсказовъ.

— А помните ли вы, господа, — сказалъ одинъ изъ гостей, — помните ли вы въ «Іоаннѣ Рыдальцѣ» чудака «князя и вельможу», «богохульника», который «ссорился съ самимъ царемъ»? Вотъ фигура то!

Хозяйка дома, — среброкудрая Марья Павловна Урошичъ, слывущая между нами прозвищемъ «Наша Незабвенная», ибо во дни оны, была оперною примадонною съ европейскою славою лучшей воплотительницы Вагнеровскихъ героинь, — протянула руку къ книжной полочкѣ, сняла съ нея «Послѣднее свиданье» и, развернувъ томикъ, звучно прочла:

«Малъ ростомъ и чуденъ былъ онъ, странными поступками ознаменовалъ онъ свой пріѣздъ. Доложили ему рано утромъ въ день Новаго Года, что пришелъ священникъ съ причтомъ. «Позвать его въ залу», — сказалъ князь, — и долго заставилъ ждать себя. А внезапно выйдя изъ маленькой боковой двери въ эту высокую холодную залу, еще не бритый, безъ парика, въ сафьяновыхъ сапожкахъ и халатикѣ на заячьемъ мѣху, отрывисто спросилъ священника: «Зачѣмъ, сударь, пожаловалъ?» Священникъ оробѣлъ, смущенно отвѣтилъ: что желалъ бы совершить служеніе. И князь, ѣдко засмѣявшись, будто бы сказалъ ему: «Такъ служи мнѣ, сударь, въ такомъ разѣ панихиду». — «Но осмѣлюсь спросить, ваше сіятельство, — по комъ же?» — «А по старому году, сударь, по старому году!» — сказалъ князь — и самъ подтягивалъ причту, не дерзнувшему ослушаться»...

— Однако и чучело! — воскликнулъ другой гость. — Но, виноватъ, Марья Павловна, что перебиваю, — позвольте: когда же это было?

«Незабвенная» опустила книгу.

— Право, не знаю. Должно быть, очень давно. Бунинъ опредѣляетъ, лѣтъ сто назадъ.

— Ага! — удовлетворился гость, — пожалуй, не позже, чѣмъ при Александрѣ Первомъ. То-то. Для позднѣйшихъ временъ этакое магнатское самодурство уже мало вѣроятно.

— Вы думаете? — возразила «Незабвенная». — Напрасно, ошибаетесь. Хотя я дама не первой молодости, однако, не при Первомъ же Александрѣ родилась, а при Второмъ и не въ крѣпостной, а уже въ освобожденной Россіи. И, тѣмъ не менѣе, отлично помню изъ своего дѣтства, даже не слишкомъ ранняго, подросткомъ, такого же вотъ чудака, сосѣда-помѣщика, нашего уѣзднаго магната. Тоже, въ родѣ бунинскаго князя, выкидывалъ штуки, одна другой удивительнѣе, и оставилъ по себѣ память легендарную, фантастическую.

— Неужели служилъ панихиды по старому году? — засмѣялся гость.

— Нѣтъ, но, зато, самовольно отмѣнилъ въ своихъ имѣніяхъ, — а владѣлъ онъ не малыми палестинами, — старый Юліанскій календарь, ввелъ новый стиль и встрѣчалъ Новый Годъ ровно на двѣнадцать дней раньше, чѣмъ въ прошломъ вѣкѣ праздновала вся Россія.

— Да, конечно, чудаковато, — согласился гость, — но ничего особеннаго: довольно невинное чудачество, взбалмошный личный капризъ богатаго, сказать бы по нынѣшнему, «сноба».

Марья Павловна качнула среброкудрой головой:

— Ну, нѣтъ. Леонидъ Никитичъ Грушницкій, — такъ его звали, — былъ чудодѣй, полоумный самодуръ, можетъ быть, даже психопатъ, маніакъ, но никакъ не снобъ, а фанатикъ. Со старымъ стилемъ онъ велъ настоящую войну — послѣдовательно, убѣжденно, упорно. Не только самъ жилъ, наперекоръ своему вѣку, по новому стилю, но требовалъ, чтобы и вокругъ него жили такъ же точно всѣ, кто имѣлъ съ нимъ какое либо дѣло, нуждался въ немъ такъ или иначе, а ужъ пуще всего, если кто хотѣлъ ему угодить. Всѣхъ дрессировалъ на новый стиль: родныхъ, друзей, знакомыхъ, комнатную и дворовую прислугу, рабочихъ, крестьянъ. Да что! До того упрямъ былъ въ своей маніи: даже въ дѣловыхъ отношеніяхъ не измѣнялъ ей. Долговые документы, купчія, прошенія въ судъ помѣчалъ не иначе, какъ новымъ стилемъ.

— Воображаю, какую путаницу вносилъ!

— Мало, что путаницу: сколько непріятностей наживалъ, какіе убытки терпѣлъ! На срокахъ вѣчно выходили недоразумѣнія: то онъ, по разсѣянности, считая дни, обочтется въ разницѣ стилей и прозѣваетъ срокъ, то раньше времени явится. И смѣхъ, и горе съ нимъ!.. А въ завѣщаніи такого напуталъ, что наслѣдники потомъ едва выпутались. Писалъ то онъ завѣщаніе собственноручно, домашнимъ порядкомъ, на той самой недѣлѣ, какъ суждено было ему нежданно-негадано скончаться въ одночасье. Вотъ представленъ документъ въ судъ. Анъ, тамъ и смотрятъ: позвольте, господа хорошіе, что же это? По документу выходитъ, что онъ составленъ покойникомъ шесть дней спустя послѣ смерти?!.. Крутую кашу заварилъ, и не легко было наслѣдникамъ ее расхлебывать.

— А какъ вашъ чудодѣй устраивался съ духовенствомъ? — спросилъ я, — поди, не мало столкновеній имѣлъ? Батюшки къ календарю ревнивы, а при Александрѣ Второмъ, послѣ реформы, врядъ ли могъ помѣщикъ, каковъ ни будь магнатъ, принудить священника пѣть панихиду старому году.

— Нѣтъ, съ духовными Леонидъ Никитичъ ладилъ довольно ловко и легко. Онъ имъ разводилъ такія рацеи:

— Я, отцы, держусь западнаго стиля въ январскомъ году, гражданскомъ, и соблюдаю его по своему гражданскому разумѣнію и разсужденію. Васъ это мое гражданское дѣло ни съ коей стороны касаться не можетъ. У васъ есть свой собственный церковный, сентябрьскій годъ, съ Семенова дня. Прекрасный русскій исконный годъ — логическій, ибо естественный, хозяйственный, крестьянскій. Собственно говоря, его бы и слѣдовало держаться земледѣльческому государству, какова наша матушка Россія. Вѣдь, январскій то годъ — Петрова выдумка: по своему обыкновенію, съ Запада съобезьянилъ Петръ Алексѣевичъ, не разсуждая того, что, въ нашихъ природныхъ условіяхъ, январскій новый годъ — неудобь. Да и обезьяня то, тоже по своему обыкновенію, не дообезьянилъ. Годъ съ русскаго сентября на европейскій январь переволокъ, а стиль европейскій ввести не посмѣлъ: забоялся васъ, отцы честные, что пустите славу, будто онъ то ли латинщикомъ, то ли лоторщикомъ вернулся изъ за границы: и безъ того вѣдь раскольники его въ Антихристы произвели. Ну, и застрялъ на полумѣрѣ. Вышелъ нашъ годъ — ни пава, ни ворона: отъ своего берега отсталъ, къ чужому не присталъ. Вотъ я, какъ просвѣщенный, благомыслящій и благожелательный русскій гражданинъ и отечества своего патріотъ, и рѣшилъ — Петрова недоноска доносить, недоростка доростить, недодѣлка додѣлать. И считаю себя на то не только въ правѣ, но и въ обязанности. Довольно дурости, что мы отъ Европы каждый годъ отстаемъ на двѣнадцать дней. Посчитайте-ка: за полтора вѣка накопили почти пять лѣтъ отстатку. Баста! Пора поровняться и въ ногу итти. То есть, разумѣю, намъ, гражданамъ. А вамъ, отцы, къ сему касательства нѣтъ: ваше дѣло поповское — особое. Вы, какъ на Семенѣ утверждены, такъ съ нимъ и вѣкуйте.

Возражали ему:

«— Леонидъ Никитичъ, если вамъ такъ нравится народный Семеновъ годъ, почему бы, въ такомъ случаѣ, и самому вамъ его не держаться?

«— Э-э! — говоритъ, — вотъ вы куда клоните? Ну, нѣтъ, батюшки, извините. Я не ретроградъ какой нибудь, не святоша, не ханжа-изувѣръ, а человѣкъ свободомыслящій, либерпансеръ-съ. Тому, что бы церковное смѣшивалось съ гражданскимъ, я противникъ. Кесарево — такъ кесареви, Божье — такъ Богу. Иначе — бѣда: этакъ — профанація, этакъ — клерикализмъ, — не уявися, что будетъ. Нѣтъ, ужъ оставьте: вы по своему, я по своему. У васъ тамъ разные индикты, эпакты, вруцѣлѣто, — гдѣ мнѣ въ нихъ входить? Словно впотьмахъ съ крутой лѣстницы бѣгомъ бѣжать: оступился, — не шею сломилъ, такъ ногу вывихнулъ. Нѣтъ, я ужъ попросту: расчиталъ свой календарь, составилъ, расписалъ, повѣсилъ на стѣнку, и живу — никому въ усъ не дую.

— А какъ же, Леонидъ Никитичъ, пасхалія, посты и праздники?

«— А что же? Они размѣщаются по Семенову году. И отлично. Не рушу вашихъ сроковъ, пріемлю ихъ. А что, къ примѣру, вы говорите: Рождество — 25 декабря, а я говорю: нѣтъ, 7 января, — такъ не все ли вамъ равно? День то, хоть по разному числится, а одинъ и тотъ же. Стало быть, и я удовлетворенъ, и вы не въ обидѣ. Вы блюдите свое число, я буду блюсти свое, а у праздника — вмѣстѣ. Авось, не подеремся изъ за того, что, по вашему, до Новаго Года еще недѣля, а, по моему, шесть дней уже, какъ онъ прошелъ».

— А со стороны гражданскихъ властей къ вашему чудаку придирокъ не бывало? — спросилъ кто то изъ гостей.

— Кажется, нѣтъ. Собственно говоря, за что же? Не преступленіе же какое нибудь совершалъ. Вотъ только изъ за новогоднихъ визитовъ вѣчно выходила у него пикировка и съ губернаторомъ, и съ предводителемъ дворянства, и со всѣми предержащими властями, и съ мѣстными магнатами. Потому что Леонидъ Никитичъ и самъ визитировалъ, и требовалъ, чтобы ему визитировали, на европейскій Новый Годъ, который, по старому стилю, тогда приходился на 19 декабря, стало быть, въ самыя, что ни есть, хлопотливыя и, къ тому же, постныя предрождественскія будни. А онъ тутъ то и прикатитъ, бывало, поздравителемъ, во всемъ парадѣ, при регаліяхъ: хочешь, не хочешь — принимай! Въ отместку пробовали возвращать ему визиты по своему законному стилю, въ юліанское 1 января. Такъ оказывалось невыгодно, потому что, по его то календарю, это выходило уже 13-ое, когда всѣ святочные праздники отгорѣли, и ползли глухія будни. И встрѣчалъ онъ гостей — якобы — съ изумленіемъ и демонстративно никогда ничѣмъ не угощалъ. Много, если чаемъ напоитъ. И обѣ стороны оставались недовольными и заглазно корили одну другую невѣжествомъ и несоблюденіемъ приличій. А попадите вы къ нему въ его новостильный праздникъ, то — Вальтасарово пиршество. Потому что хлѣбосолъ былъ широкій. Да и вообще человѣкъ рѣдкой щедрости. Кто, бывало, у него помощи прося, — догадается помѣтить письмо датой по новому стилю, — тому онъ, безъ долгихъ справокъ, отваливалъ вдвое противъ просимаго. Ну, а если по старому стилю, — такъ не взыщи: поцѣлуй пробой да ступай домой!

Такъ вотъ жилъ и чудилъ Леонидъ Никитичъ Грушницкій въ нашей сторонѣ многіе десятки лѣтъ и, представьте себѣ, вѣдь, почти переупрямилъ вѣкъ: уже начало было понемножку прививаться въ округѣ его исчисленіе! Да померъ старикъ. Безвременная смерть постигла его въ самый день его рожденія, 1 іюля котораго то изъ семидесятыхъ годовъ, когда ему исполнилось 75 лѣтъ. Но и на памятникѣ его надгробномъ, все таки, значится, по его прижизненному наказу, что «здѣсь покоится прахъ раба Божія болярина Леонида Никитина сына Грушницкаго, родившагося 13-го іюля такого то года, скончавшагося 13 іюля такого то года, въ возрастѣ 75 лѣтъ, девяти мѣсяцевъ и десяти дней».

— Позвольте: вы же сказали, что онъ умеръ въ самый день своего рожденія? Почему же такой неравный счетъ лѣтъ?

— А это уже новое его чудачество изъ другой оперы: увѣрялъ, будто всѣ люди тщеславно молодятся и укорачиваютъ неправильно свой возрастъ, тогда какъ по правдѣ слѣдуетъ присчитывать себѣ еще срокъ утробной жизни: девять мѣсяцевъ обязательныхъ да десять дней потенціальныхъ.

Александръ Амфитеатровъ.

Митрополичій хоръ въ Америкѣ

Русскій Митрополичій хоръ, подъ управл. Н. П. Афонскаго, далъ въ теченіе декабря, три концерта въ Нью Іоркѣ — въ залѣ университета, на вечерѣ въ память Н. Баліева, и въ русскомъ клубѣ. Кромѣ того, хоръ устроилъ два радіо-концерта и выступалъ во многихъ другихъ городахъ Америки — въ университетскихъ и музыкальныхъ театрахъ.

Успѣхъ хоръ имѣетъ еще большій, чѣмъ въ первое свое турнэ. Солисты — г-жа А. Захарова, Г. Павленко и Я. Яровъ, также превозносятся публикой и печатью.

5-го января хоръ Н. П. Афонскаго выѣзжаетъ на пароходѣ «Шамплэнъ» обратно въ Парижъ.

Письмо въ редакцію

Позвольте черезъ посредство Вашей газеты, принести глубокую благодарность всѣмъ лицамъ, почтившимъ корпусъ-лицей Императора Николая II своимъ посѣщеніемъ и привѣтствіями въ день корпуснаго праздника.

Вниманіе и благожелательное сочувствіе русскаго общества укрѣпляетъ насъ въ правильности направленія нашей работы и даетъ намъ силы и энергію для продолженія ея въ тяжелыхъ условіяхъ современной русской жизни за рубежомъ.

Директоръ корпуса
генералъ-маіоръ Вракій

По свѣту

— Извѣстный русскій летчикъ Б. С. Сергіевскій пожертвовалъ русскому пушкинскому объединенію въ Америкѣ 1000 долларовъ на устройство юбилейныхъ пушкинскихъ дней.

— Изъ Харбина выѣхала партія русскихъ золотоискателей, во главѣ съ горнымъ инженеромъ В. П. Воденниковымъ и горнымъ штейгеромъ М. Г. Пысинымъ, на золотыя розсыпи въ 515 верстахъ отъ Харбина, подъ городомъ Хуачей. Въ долинѣ здѣшней рѣки обнаружено много золота. Попадаются самородки значительнаго вѣса. На этихъ золотыхъ розсыпяхъ, созданныхъ частично на французскіе капиталы, работаетъ теперь 18 русскихъ золотоискателей.

Пти-Кламаръ

9 января въ залахъ Мэзонъ Брюаль, бюро таба, Ронъ-Пуанъ дю Пти-Кламаръ, церковно-приходской совѣтъ устраиваетъ безплатную елку для русскихъ дѣтей Пти-Кламара, съ раздачей подарковъ. Послѣ елки — балъ. Артистическія выступленія. Танцы подъ джаз